

Электоральные процессы

УДК-324:321.64

ВРЕМЯ ВЫБИРАТЬ: МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМИ ЦИКЛАМИ В СОВРЕМЕННЫХ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ

*М.А. Завадская*¹

В статье рассматривается вопрос специфики электоральных циклов в современных авторитарных режимах в зависимости от типа институционального дизайна (персоналистские, военные, однопартийные). Цель статьи - обращение к проблеме эндогенности времени выборов в различных авторитарных режимах, тестирование эффектов времени выборов на частоту конфликтных инцидентов как в отношении граждан (угроза снизу), так и элит (угроза сверху), выражающихся в частоте антиправительственных протестных акций и репрессий со стороны государства. Опираясь на посылку об информационной асимметрии, также известную как «дилемма диктатора», в статье мы представили количественный анализ 64 электоральных авторитарных режимов с 1990 по 2011 гг.

Ключевые слова: электоральный цикл; выборы; типы авторитарных режимов; проблема эндогенности.

Несмотря на то, что согласно основным индексам демократии, авторитарные режимы по-прежнему остаются наиболее распространенным типом режима, составляя от 40 до 60% по разным оценкам [17; 35], их долговечность всегда находилась под угрозой. Источником дестабилизации могут послужить как экзогенные факторы в виде экономических и технологических катастроф, так и внутренних имманентно присущих угроз: расколы элит и заговоры, массовые протесты и революции. Тем не менее многие современные авторитарные режимы, в отличие от своих более традиционалистских предшественников, с разной степенью успешности выстраивают линии обороны в виде политических институтов, внешне напоминающих классические демократические установления [19]. Выборы являются одним из таких институтов, фактически по-

---

¹ Завадская Маргарита Андреевна – старший преподаватель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований при Пермском государственном национальном исследовательском университете. E-mail: Margarita.Zavadskaya@EUI.EU.

© Завадская М.А., 2015

всемерно интегрированных в политические системы как новых демократий, так и новых диктатур [8; 27].

Проведение выборов в условиях авторитарного режима по определению выглядит если не абсурдным, то весьма рискованным и затратным мероприятием [7; 5], поскольку ставит инкумбента в потенциально опасную ситуацию проигрыша или неудовлетворительного отрыва голосов. Наконец, манипулирование избирательным процессом чревато массовыми протестами как со стороны оппозиции, так и рядовых избирателей [40]. Как правило, протесты являются не столько отражением реального масштаба фальсификаций, сколько относительной либерализации режима, которая снижает издержки коллективного действия [10; 50]. Тем не менее, это также дискурсивно подрывает легитимность, если не режима, то, как минимум, результатов выборов.

Само время проведения выборов представляет собой потенциальную угрозу авторитарному режиму, регулярно проводящему несправедливые и нечестные, но формально конкурентные выборы. Если эффект протестов на устойчивость политических режимов зависит от целого ряда сопутствующих факторов – характер нарушений, наличие консолидированной оппозиции, либеральной части элит, готовой примкнуть к ней [25; 30], то последствия электорального расписания на устойчивость режима – вопрос, заслуживающий отдельного эмпирического исследования. Дилемма инкумбента заключается в том, что отказ от проведения, пусть даже «низкого качества» выборов, скорее всего, однозначно будет распознан международным сообществом как публичный отказ от приверженности идеалам демократии [27]. С другой стороны, дефицит достоверной информации о реальном уровне поддержки инкумбента (монополия государственных СМИ, цензура) усугубляют положение инкумбента и повышают вероятность стратегических просчетов [45].

Один способ снижения информационной неопределенности и вероятности непредвиденных последствий выборов – это манипуляция электоральным расписанием: досрочные выборы, отмена или перенос даты выборов под предлогом чрезвычайной ситуации или отмена, изменение конституционных ограничений на число должностных сроков. Так, президент Кот-д'Ивуара Лоран Гбагбо неожиданно решил провести очередные выборы в 2000 г. после их отмены по причине гражданских волнений. Другой пример – это повторяющаяся практика проведения досрочных президентских выборов в Казахстане.

Разумеется, манипуляции электоральным расписанием ни в коем случае не является исключительной прерогативой авторитарных режимов. Так, вопросы изменения электорального расписания получили особенное внимание в «вестминстерских» системах, когда премьер-министр и его коалиция могут договориться об оптимальном времени проведения следующих выборов и когда досрочные выборы, как правило, означают оптимизм правящей партии или коалиции в отношении своих шансов на переизбрание [44, 2]. Однако парламентские системы не пользуются спросом у авторитарных лидеров, крайне ред-

ко прибегают к досрочным парламентским выборам, чтобы сохранить власть. Следовательно, электоральное расписание эндогенно большинству демократических парламентских систем, особенно мажоритарным англо-саксонским системам, в то время как для многих недемократических режимов ответ на вопрос об экзогенности выборов и времени их проведения остается неочевидным¹. Так, с точки зрения литературы об оппортунистических политических бизнес-циклах время выборов влияет на распределительную политику государства, в особенности в авторитарных режимах [48; 11], когда инкубент стремится привлечь своих избирателей незадолго до дня голосования.

В данной статье представлены возможные способы определения «значимости» выборов, степени их экзогенности в контексте различных типов авторитарных режимов, какие индикаторы могут быть использованы при анализе эффектов электорального расписания на те или иные политические процессы, тестируются эффекты электорального и внеэлекторального периодов в современных конкурентных авторитарных режимах. Цель статьи - это обращение к проблеме эндогенности времени выборов в различных авторитарных режимах, тестирование эффектов времени выборов на частоту конфликтных инцидентов как в отношении граждан (угроза снизу), так и элит (угроза сверху): выражающихся в частоте антиправительственных протестных акций и репрессий со стороны государства. Первое отражает политический спрос, в то время как репрессии – политическое предложение, если воспользоваться метафорой рынка. Выборы часто рассматриваются в литературе как «фокальная точка», или особое событие [13; 10; 49], способное переопределить предпочтения акторов. Тем не менее, учитывая то, что время выборов может определяться самим инкубентом, отчасти ставит данный тезис под сомнение. Предварительное исследование, представленное в данной статье, представляет своего рода тестирование нулевой гипотезы о том, что выборы действительно имеют значение в соревновательных или электоральных авторитарных режимах. И если это действительно так, то какова величина данного эффекта и от каких дополнительных условий он зависит?

Угрозы «сверху» и «снизу»: протесты и репрессии

Как мы можем узнать, что время избирательной кампании и особенно дня голосования действительно нарушает политическую рутину в автократиях и становится «фокальной точкой» для элит и избирателей? Нежелательные последствия выборов могут принимать различные формы. В конечном итоге они сводятся к двум типам событий: поражение на выборах и массовые гражданские протесты. Если исследование разницы электорального и внеэлекторального периодов с точки зрения электоральных результатов не имеет смысла (если нет выборов, то их нельзя проиграть), то протесты могут возникать и по иным причинам, никак не связанным с качеством электоральных процессов. Если для

---

¹ Я здесь не рассматриваю референдумы, поскольку их инициирование полностью зависит от инкубента и/или правящей партии (см. Altman 2010).

большинства демократий массовые акции протеста – это уже «опривыченный» репертуар участия граждан в политике и обычно не вызывает ответных репрессивных действий, то даже мирный протест в условиях авторитаризма – это риск как для протестующих, так и для режима. Поэтому правомерно рассматривать протесты как индикатор ослабления или дестабилизации режима. Наконец, «закручивание гаек» или напротив ослабление хватки – косвенные сигналы чувствительности режима к электоральным циклам [9].

Для демократических режимов ответ, равно как и сам вопрос, звучат абсурдно, в то время как в авторитаризмах ответ отнюдь не очевиден. Во-первых, как уже упоминалось выше, массовые протесты чрезвычайно затратны в репрессивных режимах, поэтому если граждане все равно решаются на коллективное действие, то это мощный сигнал о либерализации или ослаблении режима политическим элитам и международному сообществу. Во-вторых, если мы систематически наблюдаем всплески протестной активности во время выборов, то это отражает значимость времени выборов для избирателей даже в недемократических условиях. Если избиратели не находят иного пути донести свой политический запрос посредством выборов, то они предпочтут выразить несогласие через прямое действие [6]. Таким образом, влияет ли тип авторитаризма, его институциональный дизайн на вероятность и частоту антирежимных выступлений? Влияет ли время выборов на частоту репрессий и протестов во время выборов и между выборами? Для ответа на эти вопросы были использованы данные о частоте протестов в 80 авторитарных режимах в период с 1990 по 2011 гг. Основные зависимые переменные – это частота медиа-сообщений об антиправительственных протестах и репрессиях, инициированных инкубентом. Зависимые переменные – это время выборов и тип авторитарного режима. Выборка включает только те режимы, которые по определениям авторов были квалифицированы как авторитарные¹.

Единицей анализа является страна-год в соревновательных авторитарных режимах. Основные источники данных – это проект Йельского университета «Выборы в демократиях и автократиях» ‘Elections across Democracies and Autocracies’ (NELDA) (see <http://hyde.research.yale.edu/nelda>). Для того чтобы страна-год были включены в выборку, необходимо соблюдение двух пороговых условий [34]. Первое пороговое условие – это необходимость исключить все неконкурентные выборы, где выборы технически невозможно проиграть. Для этого необходимо соблюдение двух условий: (а) отсутствие запрета на оппозиционных кандидатов и партий, (б) наличие выбора как минимум между двумя кандидатами/партиями в избирательном бюллетене [28, 198]. Второе пороговое условие – это необходимость исключения так называемых электоральных демократий (проблема «серой зоны»). К сожалению, не существует консенсуса по поводу того, где пролегает водораздел между электоральными демократиями,

---

¹ Во избежание искажающих эффектов выборки, я использовала две выборки на основе типологии Чейбуба и др., И Геддес и др.

для которых характерны спорадические нарушения прав человека, избирательных прав, и электоральных авторитарных режимов, где такого рода нарушения носят систематический характер. В действительности, несмотря на то, что многие индексы демократии коррелируют друг с другом, тем не менее, выбор какого-то одного критерия все равно приводит к неустойчивым и противоречивым результатам [14]. Поэтому в данной статье были использованы две альтернативные выборки в соответствии с типологией политических режимов Хосе-Антонио Чеибуба [15] и Барбары Геддес [21].

По определению Пшеворского, «режим определяется как демократия, если он отвечает одновременно всем четырем ниже обозначенным критериям: 1. Глава исполнительной власти должен избираться всеобщим голосованием или всенародно избираемым органом. 2. Легислатура должна избираться прямым всеобщим голосованием. 3. Наличие более, чем одной партии, конкурирующей на выборах. 4. Смена власти при электоральных правилах, идентичных тем, с помощью которых инкубент пришел к власти [43]. Эти критерии довольно прозрачны, легко наблюдаемы и могут быть с легкостью воспроизведены.

Второй подход, изначально предложенный Барбарой Геддес, а затем дополненный Джозефом Райтом [51], заключается не только в том, чтобы отделить демократии от недемократий, но исследовать переходы от одного авторитарного правления к другому. С этой точки зрения основной проблемой является идентификация начала и завершения периода одного типа авторитарного правления. «Временные отрезки кодируются как автократические, если выполняется как минимум одно из нижеперечисленных условий при тех же самых лидерах и правилах их селекции: глава исполнительной власти получил власть недемократическим путем и вместе со своим внутренним кругом установил новые правила селекции лидеров и формулирования политических курсов» [51]¹.

В результате общая выборка состоит из 1 150 наблюдений в 80 странах. Однако для обеспечения наиболее устойчивых результатов мы используем несколько альтернативных выборок.

---

¹ Вышеуказанные подходы не используют популярные индексы демократии «Дом свободы» и Polity IV (Freedom House and Polity IV). Поэтому я также использовала критерии, предложенные Ховардом и Росслером (2006 г.), основывающиеся на комбинации этих показателей. Так, годы в режимах, чьи рейтинги по критерию политических прав «Дома свободы» достиг отметки 2 или чей рейтинг по шкале Polity IV достиг отметки 6, то эти случаи были исключены из выборки.

Рейтинг политических прав показателя «Дома свободы» (Freedom House) варьирует от 1 до 7, где 1 соответствует полному соблюдению политических прав, а отметка 2 является водоразделом между свободным и частично свободными режимами. Рейтинг Polity IV варьирует от -10 (наименее демократические режимы) до +10 (наиболее демократические режимы), где отметка +6 является минимально необходимым условием для того, чтобы режим считался «устойчивой электоральной демократией».

Партийная и непартийная политика в авторитарных режимах

Политические партии – привычный элемент ландшафта недемократической политики. Как неоднократно отмечалось в литературе [33; 12; 31; 22; 44], доминантные партии решают проблему взаимных обязательств (the credible commitment problem) между политическим лидером и его/её¹ коалиции, снижая уровень неопределенности, предоставляя минимальные предсказуемые правила игры и расширяя горизонт планирования. Вместе с тем некоторые авторитарные лидеры Александр Лукашенко в Беларуси, Аскар Акаев в Кыргызстане до 2005 г. или иорданские монархи не опираются ни на какие партийные или околопартийные структуры, что со всей очевидностью, отличает природу электоральной политики в этих режимах от их аналогов с партиями. Политическая сцена полностью состоит из сильных политических фигур, боссов, бигменов, не аффилированных ни с какой политической силой. Более того, партийность рассматривается как недостаток «независимости» [32; 2; 23]. Кроме того, отсутствие политических партий ставит целый ряд технических и концептуальных проблем перед исследователями и экспертами, так как порой крайне сложно вычленил победителей и проигравших без погружения в перипетии внутренней политики и в контекст тех или иных выборов. На непартийных выборах едва ли можно однозначно определить, какая именно политическая группа оказалась в выигрыше, а какая проиграла, так как вся политическая арена населена относительно автономными, а порой случайными игроками, которые не имеют никаких программных платформ и чьи коалиции сиюминутны.

В авторитарном контексте независимые кандидаты на выборах в легислатуру могут быть завуалированными представителями оппозиции, которая лишена возможности выдвигать своих представителей под партийными лозунгами. Например, «Братья мусульмане» в Египте времен Хосни Мубарака зачастую прибегали к этой стратегии. Правда, довольно часто аналогичными методами пользовалась и правящая Национально-демократическая партия (NDP), кооптируя наиболее сильных кандидатов *post factum* (такие кандидаты иногда иронично именовались “NDPendants”) [12; 29]. Схожие процессы наблюдались на российских выборах в начале 2000-х гг. до введения пропорционального голосования, когда практика кооптации сильных одномандатников была фактически основной стратегией формирования парламентского большинства Единой России [3]. Другая иллюстрация этого феномена – это независимые депутаты, составляющие парламентское большинство в Иордании, а членство в той или иной партии рассматривается электоратом как черная метка. Конкуренция на выборах выглядит как конкуренция потенциальных патронов, обещающих предоставить рабочие места или публичные блага своему округу [32]. Иными словами, крайне гетерогенные группы акторов включены в категорию «независимых», что существенно осложняет любой сравнительный анализ.

---

¹ Истории пока неизвестны женщины-лидеры соревновательных или электоральных авторитарных режимов. Однако не будем лишать их возможности оказаться в подобном качестве.

Из этого также следует, что использование таких конвенциональных показателей, как отрыв голосов и разница мест (*victory margins*) становится бессмысленным. Тем не менее, доля независимых кандидатов может также отражать уровень институционализации авторитарного режима. Партийные режимы являются наиболее устойчивой формой авторитаризма, нежели персоналистские, для которых характерна узкая правящая коалиция и меньший набор институциональных инструментов перераспределения благ и санкционирования расколов [19]. Доля независимых кандидатов тем самым служит индикатором непартийной политики и, возможно, распространения феномена «соревновательного клиентелизма».

Очевидно, что политические партии решают иные задачи по сравнению с их демократическими аналогами, служа слабыми институциональными «зонтиками» для политических элит, при этом с фактически отсутствующими или несостоятельными на местном уровне [24]. Все же, принимая на веру допущения институционального подхода, любые правила, даже те, которые систематически игнорируются или однобоко интерпретируются заинтересованными игроками, все-таки в некоторых ситуациях обладают потенциалом деперсонализации и порой навязывают свою логику своим же создателям. Иными словами, «приватизация» политических институтов не происходит до конца, и даже слабые квазипартийные системы эффективнее снижают уровень неопределенности в сравнении с абсолютно непартийными режимами, становясь каналами (впрочем, также далеко не всегда эффективными) для перераспределения благ, кооптации кадровой ротации, тем самым поддерживая стабильность авторитаризма.

Доминантные партии versus партии власти

Еще одним важным концептуальным моментом является собственно определение однопартийных режимов, или режимов с доминантной партией. Почему необходимо различать режимы с доминантными партиями от всех остальных типов авторитаризма? Во-первых, наличие доминантной партии предполагает специфический механизм внутриэлитной координации. Инкубент с помощью партии способен эффективно производить мониторинг лояльности партнеров по коалиции и обеспечивать кадровую ротацию. Впрочем, как и партнеры по коалиции могут осуществлять мониторинг исполнения обязательств со стороны лидера. Во-вторых, на более техническом уровне типология Пшеворского и коллег не предполагает дифференциации между партийными и непартийными режимами, складывая любые невоенные и немонархические режимы в одну большую концептуальную корзину гражданских диктатур (см. критику у Gandhi et al.) [20].

Действительно, гражданские диктатуры образуют огромный пул разнообразных режимов от Мексики, Ботсваны, Мозамбика и Танзании до России, Беларуси и Казахстана. Первые три являются иллюстрациями режимов с сильными доминантными партиями, в то время как в России и Казахстане партии, ассоциированные с инкубентом неоднократно сменялись. Режим Лукашенко в

Беларуси – классический пример непартийной политики. Соответственно есть необходимость провести разграничение между этими типами режимов, учитывая данную специфику.

Наконец, типология Геддес и коллег содержит подтип партийных режимов ('party-based') и их гибридов. Однако нечеткое разграничение между партийными, партийно-персоналистскими и военно-партийными режимами опять-таки не способно учесть специфику случаев России, Казахстана, Кыргызстана, где проинкумбентские партии существуют, но при этом доминируют лишь на электоральной и законодательной аренах, не имея при этом доступа к системе исполнительной власти. Институциональный дизайн данных режимов не позволяет партиям власти формировать и контролировать правительство. Именно по этой причине Геддес относит такие режимы к персоналистскому типу.

С другой стороны, литература, посвященная доминантным партиям, неоднократно возвращалась к феномену «партий власти», не влияющих на систему исполнительной власти, но при этом все-таки обеспечивающих бесперебойный законотворческий процесс и отчасти решающих проблемы кооптации [1]. Вместе с тем, партии власти служат электоральной машиной во время избирательных кампаний [4]. Таким образом, существует очевидная сущностная разница между хорошо изученными доминантными партиями, по определению Джованни Сартори и его последователей [26; 41]: доминантные партии конституируют коллективного политического актора, принимающего ключевые политические решения и реализующего политические курсы в масштабе всей страны, в то время как партии власти являются лишь дополнительными инструментами в руках персоналистских инкумбентов. Различие между этими типами режимов позволит отделить группу режимов от полностью персоналистских диктатур и режимов с сильной доминирующей партией.

Протесты и репрессии во время избирательной кампании: анализ

Время – это часть процесса переизбрания, и политические акторы часто стремятся использовать все возможности для повышения шансов на получение власти и дискредитации оппозиции. Инкумбент может выбрать время, когда экономика страны стабильна или же наблюдается экономический рост, благоприятный политической конъюнктуре. Например, мобилизацию против внешнего врага, наличие конфликта с иными государствами, которые поддерживают уровень позитивных настроений относительно правящей элиты. Крупные события могут временно и порой драматически переопределить политические предпочтения избирателей, они довольно существенно варьируются от режима к режиму и не могут быть учтены в универсальной модели¹.

Сопоставляя, какие именно авторитарные режимы чаще вовлекаются в манипуляции электоральным расписанием, выборку разбили на подгруппы в

---

¹ Альтернатива – это использование анализа истории событий (history event analysis), который, тем не менее, технически сложно применять к несбалансированным панельным данным в рамках одной базы данных.

соответствии с двумя наиболее популярными типологиями авторитарных режимов – Барбары Геддес и Адама Пшеворского. Я также ввожу понятие «партии власти» [4] как альтернативный способ учесть разные типы «авторитарных» институтов. Если автократы при определенных институтах систематически имеют стимулы манипулировать электоральным расписанием, то это предоставляет дополнительные основания для переосмысления эпифеноменальной природы политических институтов в авторитаризме [42].

В таблицах 1, 2, и 3 представлена пропорция выборов, где время выборов было изменено инкубентом, по типам авторитаризма. Выборы считаются «сманипулированными», если есть свидетельства об изменении даты выборов (перенос, отмена или досрочные выборы) на, как минимум, 2 месяца независимо от причины или наличия конституционной или избирательной реформы, в результате которой был изменен срок полномочий, время выборов. Единственное исключение – это выборы, объявленные по причине внезапного окончания срока полномочий инкубента, как это, например, произошло в Хорватии в 1999 г. после смерти Франьо Туджмана, лидера Хорватского Демократического Союза (HDZ) или замбийских президентов Мвени Мванавасы или Майкла Саты, которые ушли из жизни один за другим в 2000-е гг. Смерть политического лидера создает полностью экзогенное событие (экзогенный шок) для политической системы. Данные получены из онлайн-ресурсов Межпарламентского союза (Inter-Parliamentary Union), где указывается причина выборов. Если выборы созваны по причине истечения срока полномочий инкубента, то выборы рассматриваются как выборы без манипуляций со временем.

Таблица 1

Доля манипулированных выборов по типу авторитарного режима (1)

Манипуляции временем	Военные	Монархии	Партийные	Персоналистские	Итого
Нет	32	37	289	330	688
Да	17	7	38	92	154
Итого	49	44	327	422	842
%	34.7	18.9	11.6	21.8	18.3

Хи-квадрат Пирсона (3) = 22.2 Pr = 0.00

Источники: Geddes et al., IPU, Nohlen et al., данные автора

Из таблицы 1 очевидно, что военные инкубенты манипулируют выборами чаще, чем все остальные – правящая элита либо отложила, либо досрочно организовала на 16,4%, чем в среднем в авторитарных режимах. В то время как диктатуры, опирающиеся на доминирующую партию, – лишь на 11,6%. В монархиях и персоналистских режимах – между 18,9 и 21,8% соответственно.

Таблица 2

Доля манипулированных выборы по типу авторитарного режима (2)

Манипуляции временем	Гражданские диктатуры	Военные диктатуры	Монархические диктатуры	Итого
Нет	510	252	46	808
Да	105	53	7	165
Итого	615	305	53	973
%	17.1	17.4	13.1	17

Хи-квадрат Пирсона = 0.57 Pr=0.75 Выборка: Przeworski et al.

Источники: IPU, Nohlen et al., данные автора

Между тем, если воспользоваться типологией Пшеворского, то различия между типами авторитарных режимов фактически исчезают: инкубенты в гражданских и военных режимах манипулируют электоральным расписанием примерно в равной степени. Однако, если мы суммируем персоналистские режимы и режимы с партией власти, мы получаем конфигурацию, аналогичную представленной в табл. 1: доля внеочередных или перенесенных выборов в партийных и персоналистских режимах составляет 21% (в табл. 2 – 17%). Монархии в целом проводят гораздо меньше конкурентных выборов, и лишь 13% из них были переназначены. Как правило, это досрочные выборы в ситуациях, когда монарх желает изменить состав парламента.

Таблица 3

Доля манипулированных выборов в режимах с партией власти и без партии власти

Манипулированием временем	Нет партии власти	Партия власти	Более чем одна партия аффилирована с инкументом	Итого
Нет	73	823	31	927
Да	20	176	13	209
Итого	93	999	44	1136
%	21.5	17.6	29.5	18.4

Хи-квадрат Пирсона = 4.65 Pr = 0.10

Источники: IPU, Nohlen, Thibaut, and Krennerich 1999; Nohlen 2005; Nohlen 2010; Nohlen, Grotz, and Hartmann 2001, данные автора

Данные, представленные в табл. 3, свидетельствуют о том, что автократии, оснащенные партией власти как механизмом кооптации элит, реже прибегают к манипуляциям электоральным расписанием: 17,6% выборов, состояв-

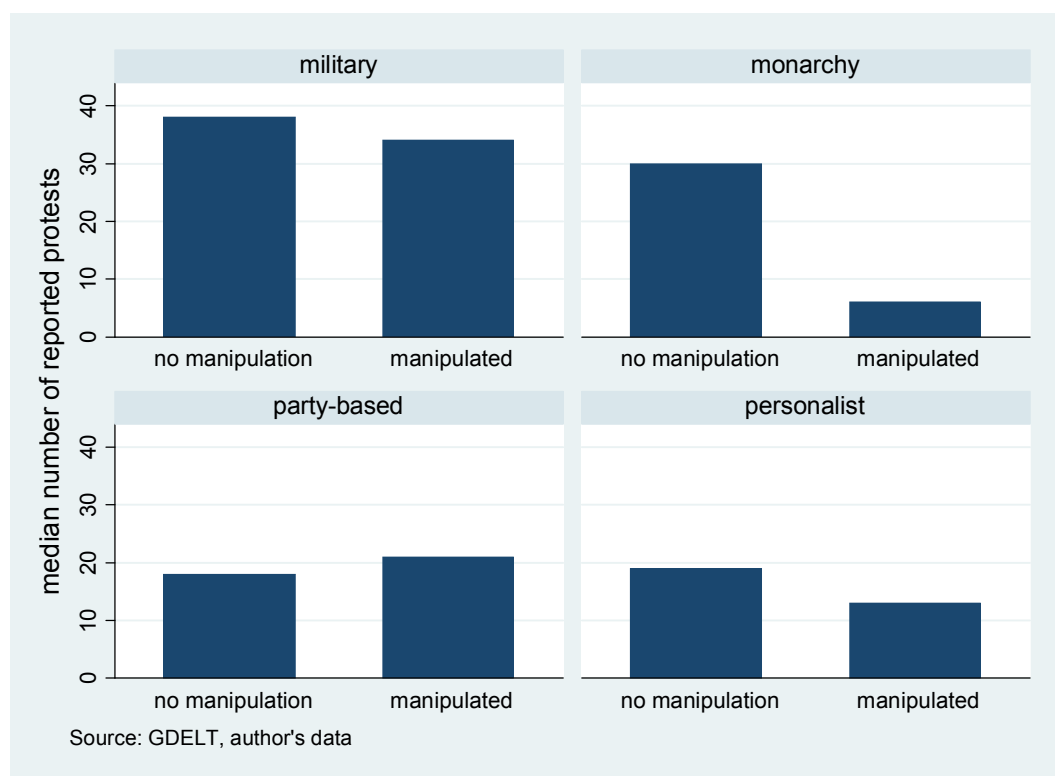
шихся в режимах с партией власти, провели ранее или позднее предписанного времени по сравнению с 21,5% в непартийных автократиях. Третья немногочисленная категория режимов, где инкубент не хранит все «яйца в одной корзине» и предпочитает иметь несколько партий-сателлитов, – одна треть национальных выборов состоялась досрочно или значительно позже предполагаемого времени.

Эти результаты указывают на релевантность институционального подхода к изучению авторитарных режимов [16]: в наиболее институционализированных режимах с доминантной партией или даже ее более слабой версией – партией власти, необходимость прибегать к манипуляциям датой выборов существенно ниже. Уровень неопределенности в более институционализированных режимах ниже, поскольку партийные и квазипартийные организации *ceteris paribus* облегчают поддержание стабильности, менеджмент элит и предотвращают потенциальные расколы. Данные институциональные «ремни безопасности» делают вопросы экзогенности электорального расписания менее проблематичными.

Возвращаясь к вопросу о том, что выборы невозможно использовать как самостоятельную объяснительную переменную в электоральных исследованиях, так как само время их проведения зачастую эндогенно воле диктатора. Тем не менее, данное утверждение справедливо лишь отчасти: в некоторых типах авторитарных режимов частота манипуляций электоральным расписанием значимо выше, нежели в других. Так, военные хунты представляют собой наименее стабильный тип авторитаризмов, они же наиболее часто откладывают или созывают досрочные выборы, переписывают конституции и избирательные законы после очередного военного переворота. В то время как режимы с партийными организациями прибегают к подобным трюкам в несколько раз реже. Наконец, монархии и режимы персоналистского типа манипулируют временем выборов с примерно равной частотой.

В какой степени манипулятивные усилия эффективны в целях снижения массового недовольства и общей стабильности? Медианное число протестных событий в соответствии с базой событий GDELT (Global Data on Events, Location, and Tone) [46] по типам режимов и выборов, представленные на рис. 1, также подтверждают, что лишь в монархиях манипуляции со временем оказываются наиболее продуктивными, снижая частоту протестов на более чем 20%. Медианная разница между другими типами составляет менее 10%. Отсюда можно заключить, что манипуляции не выглядят особенно эффективными с точки зрения предупреждения массовых протестов. В военных и персоналистских режимах медианное число протестов несколько ниже, тогда как в партийных режимах это число даже возрастает, то есть в более институционализированных режимах медианная разница между протестами в зависимости от эндо-

генного или экзогенного характера электорального расписания становится незначительной.

N режимов = 64 N выборов = 842

Рис. 1. Медианная частота протестов по типу режиму и выборам¹

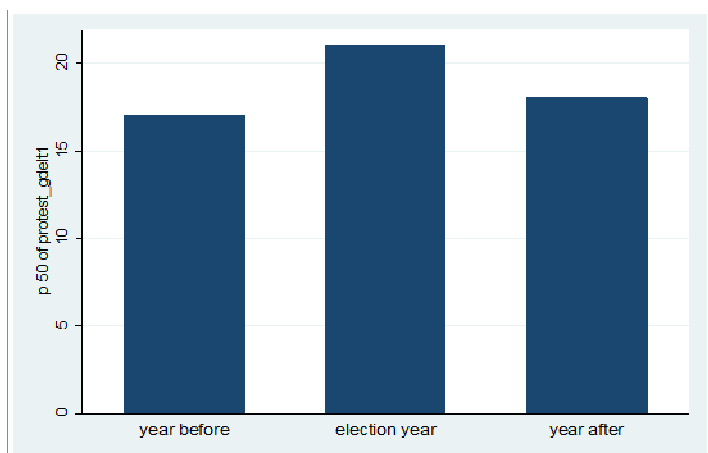
Таким образом, это позволяет нам предположить, что время выборов в большинстве электоральных авторитарных режимов все-таки носит экзогенный характер. Тем не менее, монархические диктатуры все-таки составляют отдельный подтип авторитарных режимов, где выборы носят эндогенный характер, что необходимо учитывать. Когда время выборов преднамеренно изменяется инкубентом, исходя из расчета наиболее выгодного периода с точки зрения возможности переизбрания с наименьшими затратами, то склонность к манипуляциям, во-первых, зависит от уровня институционализации режима, во-вторых, от эффективности манипуляций как таковых.

На рис. 2 и 3 представлена частота протестных событий и сообщений о политически мотивированных репрессиях в год накануне выборов, в год выборов и год после выборов². Медианные значения всех форм протеста обнаруживают схожие паттерны: в год выборов среднее (медианное) число протестов

¹ Распределения на графиках для альтернативных выборов и данных CNTS демонстрируют похожие паттерны.

² Если вслед за одним годом выборов, следует еще один, то они кодировались все равно как год, следующий после выборов. Альтернативные варианты кодировки не меняют общие результаты.

возрастает, а после выборов резко снижается даже в сравнении с годом до выборов. Эта тенденция соответствует изначальной гипотезе о том, что выборы (их качество или сопутствующие события) могут служить самостоятельной причиной протестов.

Источник: GDELT, данные автора

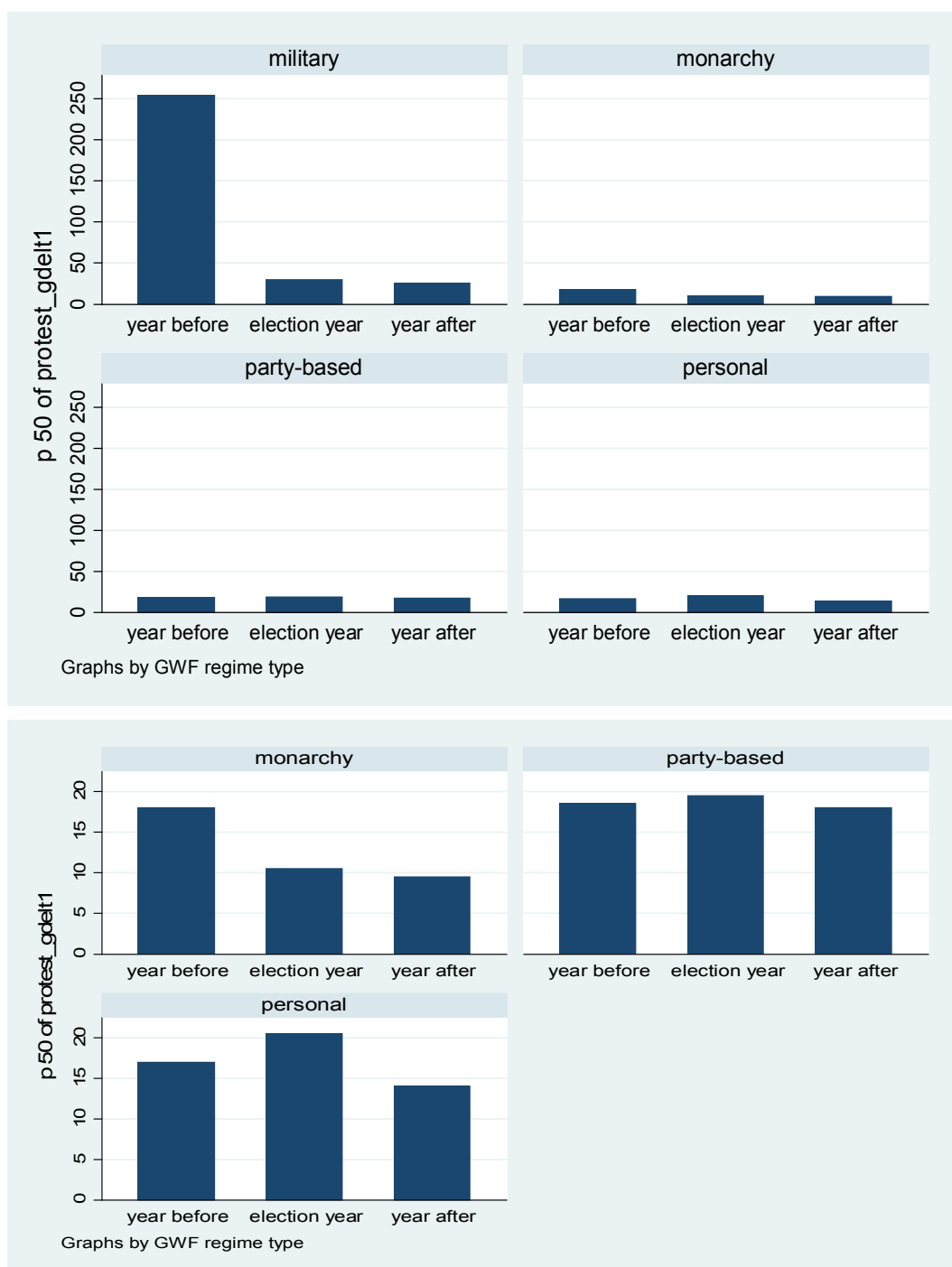
Рис. 2. Частота демонстраций и бунтов до и после выборов (выборка Пшеворского)¹

В то же время ожидается, что паттерн будет более отчетливый в тех режимах, где выборы де юре являются основным способом селекции политических лидеров в противовес наследованию в монархиях или военным переворотам. Такие режимы квалифицируются Геддес как персоналистские и партийные. Рисунок 3 демонстрирует существенные расхождения в паттернах от одного типа режима к другому. Наиболее очевидный пик наблюдается среди персоналистских режимов и гражданских диктатур, в то время как для партийных режимов этот паттерн не наблюдается вовсе. В монархиях время выборов фактически никак не влияет на всплески протестных акций: если общее количество протестов фактически равно нулю, то и вариации по переменной не наблюдается.

С другой стороны, в военных режимах число протестов сокращается в год выборов (выборка Геддес), в то время как в выборке Пшеворского паттерн аналогичен тому, что наблюдается для гражданских диктатур. Вероятно, это происходит по причине различий в определении военного режима и их малочисленности. Так или иначе, типы институционального оформления авторитарного режима являются значимой переменной, влияющей на электоральное расписание. Отсутствие контроля над типом режима, эффект электорального времени является результатом разнонаправленных тенденций.

¹ Оценки для выборки Геддес аналогичные. Автор готов предоставить альтернативные оценки по требованию.

Источник: GDELT, данные автора

Рис. 3. Частота протестов в соответствии с типом институционального дизайна (выборка Геддес)¹²

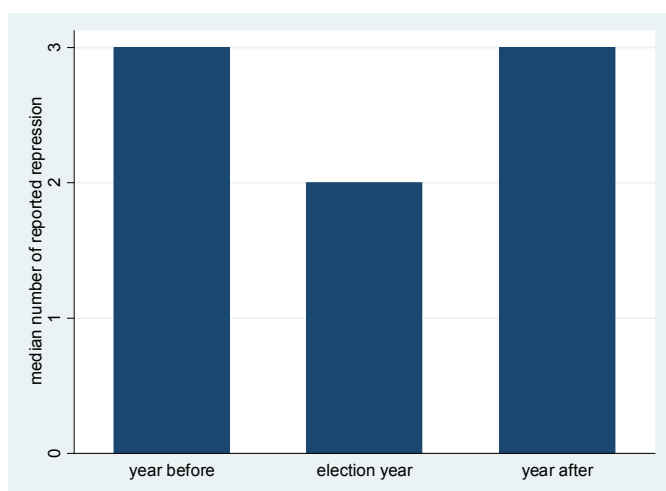
¹ На нижем графике различающиеся паттерны при адаптированной шкале ординат видны более отчетливо.

² Медианные значения для выборки Пшеворского доступны по требованию.

Возможным объяснением расходящихся паттернов может служить тот факт, что военные режимы жестче подавляют любое массовое неповиновение с помощью армии. Тогда как партийные режимы реже сталкиваются с проблемой протестов во время выборов в сравнении с персоналистскими режимами, поскольку такие режимы, прежде всего, полагаются на перераспределительные механизмы, нежели репрессивные, на «пряник», а не на «кнут». В силу того, что доминантная партия, как правило, заинтересована в привлечении голосов, то издержки применения репрессий высоки, потенциально подрывая политическую легитимность и снижая явку. В монархиях протесты – редкое событие, и если выборы имеют место, то медианное число протестов не реагирует на электоральное расписание. Это и есть результат манипулирования электоральным временем, как это было продемонстрировано выше.

В персоналистских или гражданских авторитарных режимах пики протестов совпадают с избирательными кампаниями, что в очередной подтверждает значимость электорального времени в этих режимах. Поскольку персоналистские режимы составляют большинство ныне существующих авторитарных режимов, то этот вывод приобретает особую актуальность. Частота протестов опосредована типом авторитарного режима, и прежде всего институциональным дизайном, как бы он ни был концептуализирован (за исключением военных диктатур).

Второй индикатор чувствительности режима к электоральным циклам – это масштаб и частота репрессий. На рисунке 4 представлена частота репрессий накануне и после выборов. Вновь мы наблюдаем знакомый паттерн: пик репрессий приходится на время до и после выборов, в то время как в год выборов медианное количество репрессий сокращается. Как предполагает существующая литература, инкумбенты не заинтересованы в использовании принуждения во время выборов, так как это бы снизило легитимность избирательного процесса в глазах международного сообщества и потенциальных инвесторов и партнеров [9; 51].

Источник: GDELT, данные автора

Рис. 4. Частота репрессий до и после выборов (выборка Геддес)¹

Разбив выборку на группы в соответствии с типом институционального дизайна, мы используем две меры политических репрессий – частоту сообщений о репрессиях со стороны государства в отношении граждан, оппозиции, членов коалиции, зафиксированных базой GDELT, а также Индекс нарушений прав человека Сингранелли и Ричардса (CIRI Physical Integrity) [16] (см. рис. 5). Предсказуемо военные режимы прибегают к репрессиям чаще всего, Индекс нарушений прав человек принимает примерно одинаковые значения как для военных, так и для монархических режимов. В год выборов уровень репрессий как показывают данные GDELT, существенно снижается, когда в других режимах разница фактически не видна. Лишь в партийных режимах существует относительное снижение уровня репрессий во время выборов. Следует отметить что Индекс нарушений прав человека фиксирует, прежде всего, грубые нарушения гражданских прав, включая пытки, незаконные аресты, заключение под стражу по политическим мотивам, убийства, в то время как GDELT охватывает более широкий спектр репрессивных форм от угроз, обвинений и штрафов и заканчивая тюремными заключениями, убийствами и пытками. С этой точки зрения военные режимы прибегают фактически ко всему спектру репрессий, доступных авторитарному лидеру. Грубые нарушения прав человека наблюдаются в военных диктатурах именно во время выборов и чаще, чем в монархиях. Вместе с тем, паттерн для основной группы авторитарных режимов – персоналистских и партийных диктатур, так и не был выявлен.

Тем не менее, проведенный анализ был выполнен с помощью методов описательной статистики и скорее направлен на выявление общих тенденций и формулирование гипотез для более систематического тестирования. Насколько эти отклонения являются значимыми? Насколько эти тенденции зависят от типов институтов или выбор институтов и протестные циклы являются следствием некоего третьего фактора, который оказался за бортом данного исследования? Одним из способов дальнейшего исследования эффекта политических институтов на динамику политического режима – это использование современных методик диагностики и контроля частично эндогенных переменных вкупе с анализом частоты протестов или репрессий с помощью регрессионного анализа или *history event analysis* (ссылки). Этот первый шаг позволит выявить общие тенденции и обнаружить случаи, отклоняющиеся от общей модели. Анализ отклоняющихся случаев позволит дополнить и специфицировать пределы возможностей обобщающих моделей и роль частных, контекстных факторов, невозпроизводимых в иной среде.

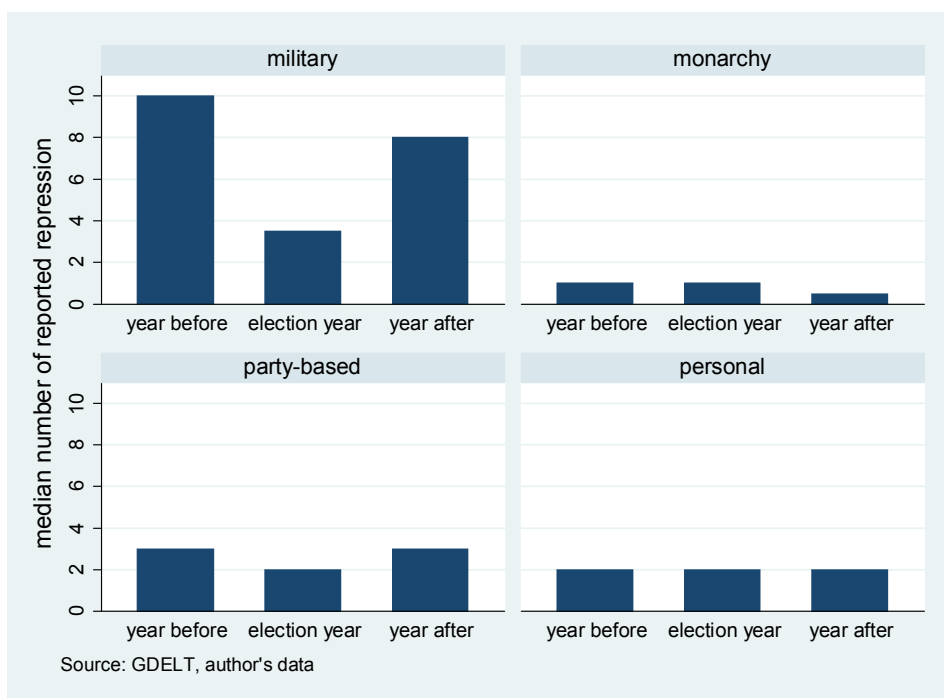
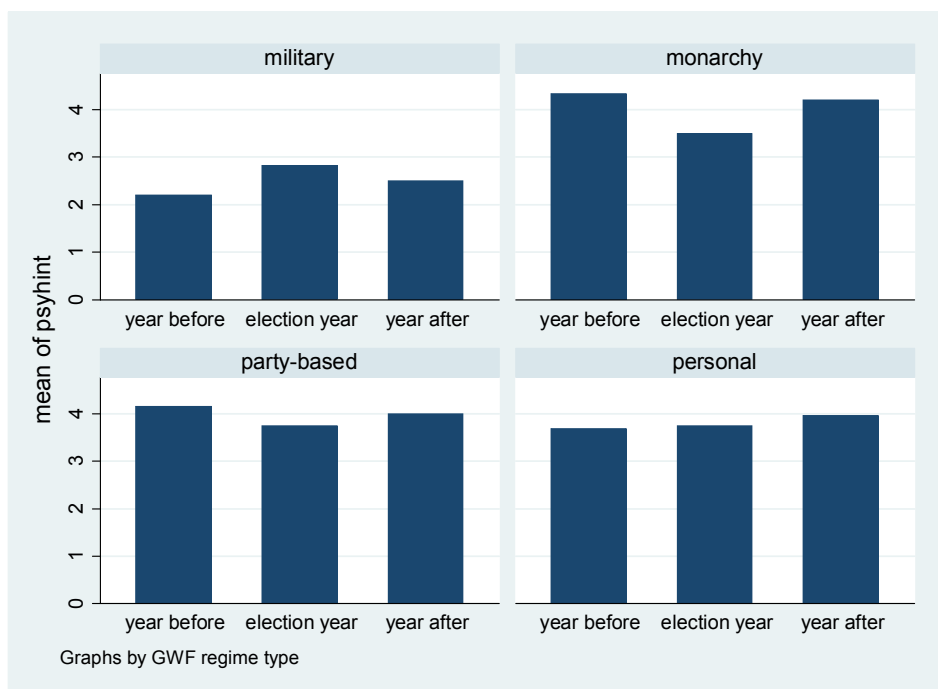
---

¹ Распределения для альтернативных выборок демонстрируют похожие паттерны.

* * *

Выборы в авторитарных режимах вопреки расхожему мнению отнюдь не являются красивой ширмой неприглядной авторитарной реальности. В противном случае диктаторы могли бы просто отказаться от их регулярного использования, так как они требуют недюжинных финансовых, организационных и порой репутационных затрат. Литература, посвященная «авторитарным» институтам, утверждает, что выборы и партии служат сигналом для международного сообщества [27], обеспечивают мониторинг лояльности элит [33], кооптации и управлению потенциальными внутриэлитными расколами [19]. Какую бы роль ни играли выборы в том или ином режиме, это больше, чем просто «потемкинская деревня».

С другой стороны, авторитаризм авторитаризму рознь [21; 15]. В то время как одни погрязли в порочном круге нестабильности и переворотов, иные посредством, в том числе и институциональных механизмов, минимизируют издержки неопределенности и дефицит достоверной информации, эффективно используя их как механизмы разрешения конфликтов. Кроме того, и институты институтам тоже рознь. Слабые «недоинституционализованные» институты лишь подрывают авторитарное правление (впрочем, как и любое другое). Это особенно характерно для персоналистских режимов. Наконец, в одних режимах чаще прибегают к манипулированию временем выборов, чем в других. Одни режимы более успешно справляются с этой задачей, нежели другие. Само электоральное расписание отчасти задает волны протестов. При этом в режимах с относительно эффективными институциональными «ремнями безопасности» - доминантной партией, вероятность использования репрессивной власти и утраты легитимности ниже, нежели в режимах, остановившихся на полпути от персоналистских к партийным. Последние чаще вынуждены опираться на ручное управление, что подрывает и без того слабые и неэффективные институты, являющиеся основой любой инфраструктурной власти. Именно поэтому персоналистские варианты авторитаризма наиболее подвержены массовым протестам и именно в этих режимах манипулирование выборами происходит редко, а если и происходит, то неэффективно.

Источники: GDELТ, CIRI, данные автора

Рис. 5. Частота репрессий в соответствии с типами авторитарных режимов (выборка Геддес)¹

¹ Паттерны для выборки Пшеворского не так очевидны.

Библиографический список

1. *Гельман В.Я.* Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе // *Eurasian Review* 2. 2009. С. 47–73.
2. *Голосов Г.В., Шевченко Ю. Д.* Факторы электорального успеха в одномандатных округах. Первый электоральный цикл в России (1993-1996). М., 2000.
3. *Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика 1993-2003. СПб, 2006.
4. *Голосов Г. В., Лихтенштейн А.В.* «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // *Полис*. 2001. № 1. С. 6–14.
5. *Григорьева М.* Институт выборов в авторитарных режимах: дискуссии в современной западной политической науке // *Политическая наука*. 2012. № 3. С. 307–317.
6. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
7. *Харитонова О.Г.* Недемократические политические режимы // *Политическая наука*. 2012. № 3. С. 9–30.
8. *Beaulieu E. and Hyde S.D.* In the Shadow of Democracy Promotion Strategic Manipulation, International Observers, and Election Boycotts // *Comparative Political Studies*. 2009. 42 (3). P. 392–415.
9. *Bhasin T. and Gandhi J.* Timing and Targeting of State Repression in Authoritarian Elections // *Electoral Studies*. 2013. 32 (4). P. 620–631.
10. *Birch S.* Electoral Malpractice. N. Y., 2011.
11. *Blaydes L.* Elections and Distributive Politics in Mubarak's Egypt. Cambridge, 2010.
12. *Brownlee J.* Authoritarianism in an Age of Democratization. N. Y., 2007.
13. *Bunce V. J. and Wolchik Sh. L.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. N. Y., 2011.
14. *Casper G. and Tufis C.* Correlation versus Interchangeability: The Limited Robustness of Empirical Findings on Democracy Using Highly Correlated Data Sets // *Political Analysis*. 2003. 11 (2). P. 196–203.
15. *Cheibub J.A., Gandhi J. and Vreeland J.R.* Democracy and Dictatorship Revisited // *Public Choice*. 2010. 143 (1-2). P. 67–101.
16. *Cingranelli D.L. and Richards D.L.* The Cingranelli and Richards (CIRI) Human Rights Data Project // *Human Rights Quarterly*. 2010. 32 (2). P. 401–424.
17. Freedom in the World. Freedom House. 2015. Accessed at June 12, 2015. URL: <https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world#.VXq3ykY6n6M>.
18. *Gandhi J.* Political Institutions under Dictatorship. Cambridge, 2008.
19. *Gandhi J. and Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. 2007. 40(11). P. 1279–1301.
20. *Gandhi J., Sumner J.L. and Parowczenko C.* Measuring Personalism and Its Effects in Non-Democracies. Working Paper. Accessed at July 30, 2015. URL: http://gvpt.umd.edu/cpworkshop/Gandhi_personalism.pdf.

21. *Geddes B., Wright J. and Frantz E.* Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*. 2014. 12 (02). P. 313–331.
22. *Greene K.F.* Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective. N. Y., 2007.
23. *Hale H.E.* Why Not Parties in Russia?: Democracy, Federalism, and the State. N. Y., 2005.
24. *Hale H.E.* Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. 39 (3). P. 305–329.
25. *Howard M.M. and Roessler Ph.G.* Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. 2006. 50 (2). P. 365–381.
26. *Huntington S.P. and Moore C.H.* Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-Party Systems. N. Y., 1970.
27. *Hyde S.D.* The Pseudo-Democrat's Dilemma: Why Election Monitoring Became an International Norm. N. Y., 2011.
28. *Hyde S.D. and Marinov N.* Which Elections Can Be Lost? // *Political Analysis*. 2011. 20(2). P. 191–210.
29. *Koehler K.* Authoritarian Elections in Egypt: Formal Institutions and Informal Mechanisms of Rule // *Democratization*. 2008. 15 (5). P. 974–990.
30. *Lai B. and Slater D.* Institutions of the Offensive: Domestic Sources of Dispute Initiation in Authoritarian Regimes, 1950–1992 // *American Journal of Political Science*. 2006. 50 (1). P. 113–126.
31. *Langston J.* Elite Ruptures: When Do Ruling Parties Split? // *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. 2006. P. 57–76. Boulder: Lynn Rienner.
32. *Lust-Okar E.* Elections under Authoritarianism: Preliminary Lessons from Jordan // *Democratization*. 2006. 13 (3). P. 456–471.
33. *Magaloni B.* Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. 2008. 31.
34. *Mahoney J., Goertz G.* The Possibility Principle: Choosing Negative Cases in Comparative Research // *American Political Science Review*. 2004. 98 (04). P. 653–669.
35. *Marshall M. G. and Jagers K.* Political Regime Characteristics and Transitions-Polity IV Project. University of Maryland, 2004.
36. *Nohlen D.* Elections in the Americas (2 Vols.). Oxford, 2005.
37. *Nohlen D.* Elections in Europe: A Data Handbook. Nomos Verlag, 2010.
38. *Nohlen D., Grotz F. and Hartmann C.* Elections in Asia and the Pacific: A Data Handbook: Volume I: Middle East, Central Asia, and South Asia. Oxford, 2001.
39. *Nohlen D., Thibaut B. and Krennerich M.* Elections in Africa: A Data Handbook. Oxford, 1999.
40. *Norris P.* Why Electoral Integrity Matters. N. Y., 2014.

41. *Pempel T. J.* Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes. N. Y., 1990.
42. *Pepinsky Th.* The Institutional Turn in Comparative Authoritarianism // *British Journal of Political Science*. 2014. 44 (03). P. 631–653.
43. *Przeworski A. et al.* Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990. N. Y., 2000.
44. *Reuter O.J. and Remington T.F.* Dominant Party Regimes and the Commitment Problem The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. 2009. 42 (4). P. 501–526.
45. *Schedler A.* The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. N. Y., 2013.
46. *Schrodt Ph. and Leetaru K.* GDELT: Global Data on Events, Location and Tone, 1979-2012 // Paper presented at International Studies Association Conference. 2013.
47. *Smith A.* Election Timing. N. Y., 2004.
48. *Treisman D. and Gimpelson V.* Political Business Cycles and Russian Elections, or the Manipulations of 'Chudar' // *British Journal of Political Science*. 2001. 31 (02). P. 225–246.
49. *Tucker J.A.* Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. 5 (03). P. 535–551.
50. *Semenov A., Zavadskaya M. and Lobanova O.* When Do Political Parties Join Protests? Forthcoming in *East European Politics* (special issue 2016).
51. *Wright J. and Escriba-Folch A.* Authoritarian Institutions and Regime Survival: Transitions to Democracy and Subsequent Autocracy // *British Journal of Political Science*. 2012. 42 (02). P. 283–309.

PLAYING WITH THE TIME: ELECTORAL SCHEDULE IN AUTHORITARIAN REGIMES

M.A. Zavadskaya

Senior Lecturer, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics, St. Petersburg; Research Fellow, Center for Comparative Historical and Political Studies, Perm State University

When do autocrats manipulate election timing? To what extent does manipulation increase the odds of the desirable outcomes? Drawing on the assumption of information asymmetry (also known as the 'dictator's dilemma'), the author analyzed 64 authoritarian regimes from 1990 to 2011 by means of descriptive statistics. The article addresses the issue of endogeneity of elections in authoritarian regimes, presenting diverging institutional contexts as a causal variable for explaining post-electoral protests and intra-elite splits.

Keywords: electoral cycle; elections; types of authoritarian regimes; endogeneity.

References:

1. *Beaulieu E. and Hyde S.D.* In the Shadow of Democracy Promotion Strategic Manipulation, International Observers, and Election Boycotts // *Comparative Political Studies*. 2009. 42 (3). P. 392–415. (In English).
2. *Bhasin T. and Gandhi J.* Timing and Targeting of State Repression in Authoritarian Elections // *Electoral Studies*. 2013. 32 (4). P. 620–631. (In English).
3. *Birch S.* *Electoral Malpractice*. N. Y., 2011. (In English).
4. *Blaydes L.* *Elections and Distributive Politics in Mubarak's Egypt*. Cambridge, 2010. (In English).
5. *Brownlee J.* *Authoritarianism in an Age of Democratization*. N. Y., 2007. (In English).
6. *Bunce V. J. and Wolchik Sh. L.* *Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries*. N. Y., 2011. (In English).
7. *Casper G. and Tufis C.* Correlation versus Interchangeability: The Limited Robustness of Empirical Findings on Democracy Using Highly Correlated Data Sets // *Political Analysis*. 2003. 11 (2). P. 196–203. (In English).
8. *Cheibub J.A., Gandhi J. and Vreeland J.R.* Democracy and Dictatorship Revisited // *Public Choice*. 2010. 143 (1-2). P. 67–101. (In English).
9. *Cingranelli D.L. and Richards D.L.* The Cingranelli and Richards (CIRI) Human Rights Data Project // *Human Rights Quarterly*. 2010. 32 (2). P. 401–424. (In English).
10. Freedom in the World. Freedom House. 2015.. Available at: <https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world#.VXq3ykY6n6M>. (accessed: 12.06.2015). (In English).
11. *Gandhi J.* *Political Institutions under Dictatorship*. Cambridge, 2008. (In English).
12. *Gandhi J. and Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. 2007. 40(11). P. 1279–1301. (In English).
13. *Gandhi J., Sumner J.L. and Parowczenko C.* Measuring Personalism and Its Effects in Non-Democracies. Working Paper. Available at: http://gvpt.umd.edu/cpworkshop/Gandhi_personalism.pdf. (accessed: 30.07.2015). (In English).
14. *Geddes B., Wright J. and Frantz E.* Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*. 2014. 12 (02). P. 313–331. (In English).
15. *Gel'man V.Ya.* Dynamics of Subnational Authoritarianism: Russia in Comparative Perspective // *Eurasian Review*. 2009. № 2. P. 47–73. (In Rus.).
16. *Golosov G.V., Shevchenko Yu.D.* Factors of Electoral Success in Single-Member Districts. First Electoral Cycle in Russia (1993-1996). M., 2000. P. 130–151. (In Rus.).
17. *Golosov G.V.* *Russian Party System and Regional Politics 1993-2003*. St. Petersburg, 2006. (In Rus.).

18. *Golosov G.V., Lichtenstein A.V.* 'Parties of Power' and Russian Institutional Design: Theoretical Analysis // *Polis*. 2001. №1. P. 6–14. (In Rus.).
19. *Greene K.F.* Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective. N. Y., 2007. (In English).
20. *Grigorieva M.* The Institute of Elections in Authoritarian Regimes: Discussions in Contemporary Western Political Science // *Political Science*. 2012. №3. P. 307–317. (In Rus.).
21. *Hale H.E.* Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. N. Y., 2005. (In English).
22. *Hale H.E.* Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. 39 (3). P. 305–329. (In English).
23. *Howard M.M. and Roessler Ph.G.* Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. 2006. 50 (2). P. 365–381. (In English).
24. *Huntington S.* Political order in changing societies. New Haven, 1968. (In Rus.).
25. *Huntington S.P. and Moore C.H.* Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-Party Systems. N. Y., 1970. (In English).
26. *Hyde S.D.* The Pseudo-Democrat's Dilemma: Why Election Monitoring Became an International Norm. N. Y., 2011. (In English).
27. *Hyde S.D. and Marinov N.* Which Elections Can Be Lost? // *Political Analysis*. 2011. 20(2). P. 191–210. (In English).
28. *Kharitonova O.G.* Non-democratic political regimes // *Political Science*. №3. P. 9–30. (In Rus.).
29. *Koehler K.* Authoritarian Elections in Egypt: Formal Institutions and Informal Mechanisms of Rule // *Democratization*. 2008. 15 (5). P. 974–990. (In English).
30. *Lai B. and Slater D.* Institutions of the Offensive: Domestic Sources of Dispute Initiation in Authoritarian Regimes, 1950–1992 // *American Journal of Political Science*. 2006. 50 (1). P. 113–126. (In English).
31. *Langston J.* Elite Ruptures: When Do Ruling Parties Split? // *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. 2006. P. 57–76. Boulder: Lynn Rienner. (In English).
32. *Lust-Okar E.* Elections under Authoritarianism: Preliminary Lessons from Jordan // *Democratization*. 2006. 13 (3). P. 456–471. (In English).
33. *Magaloni B.* Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. 2008. 31. (In English).
34. *Mahoney J., Goertz G.* The Possibility Principle: Choosing Negative Cases in Comparative Research // *American Political Science Review*. 2004. 98 (04). P. 653–669. (In English).
35. *Marshall M. G. and Jagers K.* Political Regime Characteristics and Transitions-Polity IV Project. University of Maryland, 2004. (In English).
36. *Nohlen D.* Elections in the Americas (2 Vols.). Oxford, 2005. (In English).

37. *Nohlen D.* Elections in Europe: A Data Handbook. Nomos Verlag, 2010. (In English).
38. *Nohlen D., Grotz F. and Hartmann C.* Elections in Asia and the Pacific: A Data Handbook: Volume I: Middle East, Central Asia, and South Asia. Oxford, 2001. (In English).
39. *Nohlen D., Thibaut B. and Krennerich M.* Elections in Africa: A Data Handbook. Oxford, 1999. (In English).
40. *Norris P.* Why Electoral Integrity Matters. N. Y., 2014. (In English).
41. *Pempel T. J.* Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes. N. Y., 1990. (In English).
42. *Pepinsky Th.* The Institutional Turn in Comparative Authoritarianism // *British Journal of Political Science*. 2014. 44 (03). P. 631–653. (In English).
43. *Przeworski A. et al.* Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990. N. Y., 2000. (In English).
44. *Reuter O.J. and Remington T.F.* Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. 2009. 42 (4). P. 501–526. (In English).
45. *Schedler A.* The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. N. Y., 2013. (In English).
46. *Schrodtr Ph. and Leetaru K.* GDELT: Global Data on Events, Location and Tone, 1979-2012 // Paper Presented at International Studies Association Conference. 2013. (In English).
47. *Smith A.* Election Timing. N. Y., 2004. (In English).
48. *Treisman D. and Gimpelson V.* Political Business Cycles and Russian Elections, or the Manipulations of ‘Chudar’ // *British Journal of Political Science*. 2001. 31 (02). P. 225–246. (In English).
49. *Tucker J.A.* Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. 5 (03). P. 535–551. (In English).
50. *Semenov A., Zavadskaya M. and Lobanova O.* When Do Political Parties Join Protests? Forthcoming in *East European Politics* (special issue 2016).
51. *Wright J. and Escriba-Folch A.* Authoritarian Institutions and Regime Survival: Transitions to Democracy and Subsequent Autocracy // *British Journal of Political Science*. 2012. 42 (02). P. 283–309. (In English).